

УДК 71.2:81.161.1

Киселева И.А.

Московский государственный областной университет

**ОНТОЛОГИЯ СТИХИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ
М.Ю. ЛЕРМОНТОВА**

I. Kiseleva

Moscow State Regional University

**THE ONTOLOGY OF NATURAL FORCE IN LERMONTOV'S
LITERARY WORLD**

Аннотация. Поэзия Лермонтова и его современников представлена синтезирующей в своей основе философское и художественное познание. В статье утверждается связь внутреннего мироощущения поэта с явленной изобразительностью поэтического текста. Осмысливается феномен стихии, который занимает художественное воображение поэтов-романтиков. Стихия рассматривается как источник жизни и проявление её наивысшего напряжения. На основе анализа явлений стихии в поэзии Лермонтова говорится о динамике внутреннего мира поэта, о его способности постигать посредством художественного творчества глубинные смыслы явлений бытия.

Ключевые слова: вдохновение, буря, бытие, Лермонтов, мотив, онтология, покой, поэт-пророк, поэзия, стихия.

Abstract. Lermontov's poetry as well as the poetry of his contemporaries is regarded as a synthesized philosophical and artistic cognition. The author of the article proves the fact that there is a connection between the poet's inner world and the expressiveness of the literary text. The phenomenon of the elements, which influences the artistic imagination of romanticist poets, is under consideration. According to the analysis of natural phenomena in Lermontov's poetry the author makes a conclusion about the development of poet's inner world and his ability to comprehend the deeper meanings of life by means of his creation.

Key words: inspiration, storm, existence, Lermontov, motif, ontology, quietness, prophet poet, poetry, natural force.

Древнегреческие философы – Фалес, Анаксимен, Гераклит – угадывая в воде, воздухе и огне первоначала, были во многом правы и с позиции христианского миропонимания, ибо именно в этих стихиях проявляются действия животворящего Духа Божия. Размышляя над феноменом стихии, Г.П. Федотов писал, что «вода кажется противоположной огню в холоде и влажности, но в стихийной мощи своей океан созвучен грозе и ветру, как они, неподвластен форме. В воду крещения нисходит огонь Святого Духа» [15]. Ощущением божественности стихии дышит и творчество М.Ю. Лермонтова. Его раннее стихотворение «Крест на скале» (1829 (30)), где поэт говорит о том, что знает «в вершине Кавказа» скалу, на которой виднеется Крест Христов, и о своём стремлении «взойти» «туда», заканчивается стихом «И с бурей братом назвался бы» [7]. Достижение вершины горы и пространственное приближение к Кресту Господню видится поэтом целью жизни и равнозначно «сроднению» со стихией. Г.П. Федотов размышлял о том, что «в огне и буре открывается человеку не только мощь разгневанного Божества, но и вдохновляющая сила Божия, исполняющая его трепетом и восторгом. Израильтяне трепещут вокруг опоясанного молниями Синая, но пророки – в огне и грозе слышат голос Божий» [15]. Талант Лермонтова – не просто талант художника, но талант художника-пророка, ведомого имеющим сродство со стихийностью вдохновением и постигающим в своём творчестве духовные смыслы явлений прошлого, настоящего и будущего, открывающего глубины бытия и тайны тварного мира.

© Киселева И.А., 2011.

Статья подготовлена в рамках исполнения Госконтракта №П2406 от 18.11.2009 г. с ФАО (МОиН РФ) при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы.

Для художественного мира Лермонтова характерна особая энергия, причиной этой особенности является установка поэта на необходимость действенности поэзии, её прямого влияния на жизнь общества и человека. Для Лермонтова поэзия – не просто форма прекрасного, но форма выражения душевных устремлений. Стихотворения Лермонтова – это и живая молитва к Богу, и живой диалог со своим поколением, и наполненное душевной болью размышление о своём месте и назначении в мире; и в любом случае они всегда духовно напряжены, так как являют собой саму жизнь.

Поиск единения со стихией – лейтмотив лермонтовского творчества, звучит он и в его знаменитом стихотворении «Парус», которое заканчивается стихами «А он мятежный просит бури, / Как будто в бурях есть покой!» [7]. Старший современник Лермонтова, преподобный Серафим Саровский напоминает, что в «день Пятидесятницы торжественно ниспослал Он им (апостолам) Дух Святого в дыхании бурне» [1]. В буре в день Пятидесятницы действительно явлен покой, ибо послан Дух Утешитель.

Еще античные трагики сравнивали жизнь с плаванием, а в христианской культуре плавание на корабле мыслится как символ богопознания. Т.А. Миллер, анализируя образ моря в письмах каппадокийцев, пишет, что ««море» Златоуста несколько похоже на «море» Василия. Его характерная черта – это одновременное соединение бури и тишины, зла и его преодоления. Оно требует от плывущих по нему неусыпной бодрости и одновременно обещает им награду» [9]. Образ плавание в бурном море связывали с путём преодоления страстей. Эта мысль находит своё воплощение и в светской поэзии. Так, Н.М. Языков в стихотворении «Пловец» (1830) пишет:

*Смело, братья! Туча грядет,
Закипит громада волн,
Выше вал сердитый станет,
Глубже бездна упадет!...*
.....
*Там, за далью непогоды
Есть блаженная страна...* [4].

В.А. Жуковский в стихотворении «Пловец» (1812) также мотив обретения рая связывает с преодолением бурного моря:

*Всё оделось чёрной мглою;
Всколыхались валы;
Бездны в мраке предо мною;
Вкруг ужасные скалы.
«Нет надежды на спасенье!» –
Я роптал, уныв душой...
О, безумец; Провиденье
Было тайный кормицк твой.
.....
Мощный вёл меня хранитель.
Вдруг – всё тихо! Мрак исчез;
Вижу райскую обитель...
В ней трёх ангелов небес* [5].

Но если Жуковскому райская страна открывается через преодоление бури, то Лермонтов в самой буре пытается обрести покой.

Литературная жизнь 1830-х гг. философски осмысляет феномен стихии. Ф.Н. Глинка в стихотворении 1831 г. «Гром», описывая это небесное явление, размышляет:

*Где зарождаются сии кипящи громады?
Где бурь и непогод таинственные дома?..
– Зачем нам тайны познавать
И, мыслями волнуясь, утомляться?
Не лучше ли, во всем встречая благодать,
Жить просто и всему по-детски удивляться!..*
[4, 217].

Проявление вольной стихии в поэтическом сознании Глинки неотделимо от ощущения Божьей благодати в мире. Восприятие Глинки в этом тексте сродни детскому мироощущению, благодать встречает он «во всём», и в покое, и в напряжении. Для него благодатным было бы и ощущение лермонтовского паруса, когда «Под ним струя светлей лазури, / Над ним луч солнца золотой». Лермонтов же подобную гармоничную картину не может отождествить с блаженством, так как она для него есть только образ внешнего мира, а душа поэта не готова к восприятию благодати в гармонии мира. Рай для Лермонтова определяется внутренним состоянием, сердеч-

ным чувством, без которого красота мира не может приносить духовную радость.

Выявление духовных смыслов стихии в её политическом преломлении посвящено стихотворение Ф.И. Тютчева «Цицерон» (1829 (?)), которое начинается со следующих строк:

*Оратор римский говорил
Средь бурь гражданских и тревоги:
«Я поздно встал и на дороге
Застигнут ночью Рима был!» [4, 175].*

Далее в тексте провозглашается блаженство того, «кто посетил сей мир в его минуты роковые». «Цицерон» опубликован в альманахе «Денница» за 1831 г. Интересно само расположение текстов в этом альманахе, подборка идёт не по авторству, а по смыслу, хотя этот смысл и не декларируется, издатель рассчитывает на вдумчивого читателя, способного прочитать альманах не как собрание разрозненных текстов, а как некую художественно и схематически выраженную систему идей. Сразу же за этим стихотворением Ф.И. Тютчева¹ следуют «Зимние карикатуры» П.А. Вяземского, где поэт проводит мотив духовного блуждания; через изображение картин природы приоткрываются душевные переживания лирического «я»:

*Пойдешь вперед, поищешь сбоку,
Все глушь, все снег да мерзлый пар,
И Божий мир стал снежный шар,
Где как ни шарить, все без проку [4, 179].*

Метельная ночь, буря, мыслится как проявление демонических сил. Но вслед за «Зимними карикатурами» напечатано стихотворение Ф.И. Тютчева «Успокоение». Тютчевские тексты обрамляют поэтические размышления П.А. Вяземского, за счёт чего от них не остаётся впечатления безысходности. И если в «Зимних карикатурах» не светится божественный луч, то в диалоге П.А. Вяземский реализует себя и в положительном плане. Чело-

веку необходимо пройти, пережить действие стихии в собственной душе, необходимо очистить душу страданием, понять присутствие смерти в этой жизни, чтобы выйти к новым высотам духа. Тютчев провозглашает:

*Гроза прошла ...
.....
И радуга концом дуги своей
В зеленые вершины уперлася!.. [4, 183].*

«Я полагаю радугу Мою в облаке, чтоб она была знаменем завета между Мною и между землею» (Быт. 9,13) – эти слова раскрывают духовное значение образа радуги, который является знаком связи земли и неба; в библейском тексте явление радуги после Ноева потопа знаменует мир между Богом и человеком. В стихотворении Ф.И. Тютчева «Успокоение» образ радуги указывает на явление Божьей милости, благодати. В традиции романтической литературы образ радуги связан с радостью и гармонией. Фауст, герой одноимённой драмы И.В. Гёте, полагает, что «мир весь радуется радуге». Эмоциональной доминантой христианской культуры является радость, с неё начинается спасение человечества: «Радуйся, Благодатная! Господь с тобою» (Лк. 1, 28), – обращается Архангел Гавриил к Деве Марии. «...Я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям...» (Лк. 2, 10) – такова весть ангела пастухам о рождении Божественного Младенца. В христианской культуре радуга есть и символ Богоматери, и знак семи даров Святого Духа. Прот. Владислав Свешников даёт такое определение радости: «Радость представляет собой довольство и гармонию внутренних сил личности...» [13].

Если говорить о творчестве М.Ю. Лермонтова, то *радужность* восприятия более характерна лишь для позднего периода его творчества, начиная с 1837 г. И, пожалуй, одним из самых красочных его стихотворений является стихотворение «Когда волнуется желтеющая нива...» (1837), где представлена практически вся цветовая палитра, тогда как, например, в лермонтовском «Парусе»

¹ Об образах воды, огня и воздуха в поэзии Ф.И. Тютчева см.: Касаткина В.Н. (Аношкина В.Н.). Поэтическое мировоззрение Ф.И. Тютчева [6].

цветовая гамма, при всей её насыщенности, очень скупа. В «Парусе» лирического «я» не удовлетворяет гармоничность моря и гармония мира, такое состояние, когда «Под ним струя светлей лазури, / Над ним луч солнца золотой». Парус ищет состояния *надмирного*, чудесного, когда «в буре есть покой», состояния пребывания в чистом свете, тогда как, по И.В. Гёте, например, цвет есть свет, ограниченный тьмой, и «первоначальные цвета (протофеномены) суть жёлтый, ближайший к свету цвет, и синий, ближайший к тьме» [12]¹.

Святитель Григорий Палама рассуждает о тайне Креста, полагая, что первая её ступень «заключается в бежании от мира», «когда украсим и очистим нашего внутреннего человека, изыскивая скрытое в нас самих божественное сокровище и вновь рассматривая находящееся нас внутри Царствие Божие, тогда мы распинаем себя миру и страстям. Ибо некая теплота приходит на сердце от таких мыслей, которая как мух изгоняет злые помыслы и производит духовное умиротворение и утешение в душе и подает освящение тела» [2]. Именно «бежание мира» является одним из ведущих мотивов поэзии Лермонтова («Из городов бежал я, нищий» («Пророк» (1841)), этот мотив сродни мотивам странничества, одиночества, скитальчества, поиска родной души, которые определяют один из основных пафосов лермонтовской поэзии.

В беседе «О молитве и чистоте сердца» святитель Григорий Палама размышляет: «Когда единичный ум бывает тройственным, тогда он соединяется с Богоначальной Троицескою единицей. Бывает же единичный ум тройственным, пребывая <...> в возвращении к себе самому и в восхождении чрез себя к Богу» [2, 124]. И.И. Семаева пишет, что «это круговое движение ума означает, что человек совершает прорыв из себя навстречу Богу, и этот прорыв не интеллектуальный, не следствие земной мудрости, а в этом «выходе» из себя человек участвует во всей целостности, восстановленной трудами ума и сердца.

¹ Цит. по: Свасьян К. Философское мировоззрение Гёте [12].

С.Л. Франк называет это «путём умственного кружения вокруг безусловно непостижимого» [14]. Начинается «кружение» с ощущения непостижимости Бога в мире, с духовного витания «над всеми противоположностями» (С.Л. Франк). В стихотворении «Парус» Лермонтов и реализует идею выхода, в частности, из цветовых противоположностей мира. В принципе, всё стихотворение «Парус» строится на антиномиях романтической эстетики. М.М. Гиршман перечисляет их: ««буря» и покой», «далекая страна» и «родной край», движение к чему-то и от чего-то, обретения и потери...» [3]. И.И. Семаева полагает, что «из этого чувства «инаковости» рождается противоположное ощущение глубочайшего внутреннего сходства с Божеством. Это сходство между символом и тем, что он символизирует, просвечивание непостижимого в конкретном облике всех явлений и сторон бытия. Чувство инородности рождает ощущение присутствия Божества во всём, таинственного сходства с ним всего. Всё сущее оказывается символом Божества...» [14, 87]. Подобный момент мы видим в стихотворении Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива...» (1837), энергетическим центром которого является мотив узрения Бога:

*Тогда смирятся души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, -
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога... [7, I, 14].*

В *Нагорной проповеди* Иисус Христос говорит «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 6, 8). Сердце, являясь средоточием личности, сокровищницей духа, вмещает в себя и страсти по своему сродству со стихийностью. И только очищенному посредством трагизма и страданий от страстей сердцу открывается божественное видение. В стихотворении «Когда волнуется желтеющая нива...» перед нами вариант стихии, в которой нет смерти (сопоставление бескрайних степей с бесконечным пространством моря вполне традиционно), более того, которая есть сама жизнь. Новалис определял

подобную картину как образ земли, впитавшей небеса. В своём гимне «Где Ты, целитель всех миров?..» (1800) Новалис в «каждом трепетном цветке» видит образ Спасителя: «В травинке и в морской волне / Младенца лик сияет мне» [11]. Новалис видит в творении Творца, Лермонтов, постигая красоту творения, в «небесах» видит Бога. Новалису видится в «каждом предмете подвиг Его», приносящего «вечную жертву». У Лермонтова эта идея даётся в образном строе стихотворения. А.Р. Небольсин пишет об эстетико-символическом восприятии Евхаристии: «Значение золота и позолоты связано с Евхаристией. Евхаристия предполагает гамму красок. Честная кровь Господня – багровая, а виноград – серовато-лиловый. Тело Господне – это освященный хлеб, его вторичный цвет золотого зерна тоже серовато-лиловый, особенно стебель, поэтому поле и отливает пурпурной волной» [10]. В лермонтовском тексте именно на этой цветовой гамме держится образный строй стихотворения. Серовато-лиловый – это тон, который сродни малиновому, который также имеет общее и с пурпурным (для его получения, так же, как для лилового, нужны красный и синий цвета, только в несколько иной пропорции); «серебристый ландыш» усиливает сродство гаммы. Лермонтов и прямо говорит о спеющей ниве хлебов.

С.А. Ломинадзе, анализируя стихотворение «Когда волнуется желтеющая нива...», писал, что «светлые минуты» непосредственно изображены, они живописуются в стихотворении; картина, созданная здесь Лермонтовым, «словно бы залита солнечным светом» [8]. В иконописи золотой фон – образ Царствия Небесного, а именно этот образ и представляет Лермонтов в своём программном стихотворении «Когда волнуется жел-

теющая нива...», явившемся свидетельством примирения поэта с Богом и открывающем читателям чистый источник жизни и вдохновения – преображённую одухотворённую природу.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Беседа старца Серафима с Н.А. Мотовиловым о цели христианской жизни // Преподобный Серафим Саровский в воспоминаниях современников. М.: Ковчег, 2004. С. 365.
2. Беседы (омилии) Святителя Григория Паламы. М.: Паломник, 1993. Ч. 1. С. 107.
3. Гиршман М.М. «Парус» // Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) / Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. Энцикл.». М.: Сов. Энцикл., 1981. С. 367.
4. Денница: Альманах за 1830, 1831, 1834 годы, изданный М. Максимовичем. М.: Век, 1999. С. 58.
5. Жуковский В.А. Сочинения. М.: Гослитиздат, 1957. С. 58.
6. Касаткина В.Н. (Аношкина В.Н.). Поэтическое мировоззрение Ф.И. Тютчева. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1969. 255 с.
7. Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: в 4 тт. Т. 2. М., 1957. С. 159.
8. Ломинадзе С.А. Диалог с небом. 1837 год / Классики и современники. М., 1989. С. 229.
9. Миллер Т.А. Образы моря в письмах каппадокийцев и Иоанна Златоуста (Опыт сопоставительного анализа) / Античность и современность. М., 1972.
10. Небольсин А.Р. О золоте. М.: Христианское изд-во, 1995. С. 5.
11. Новалис. Духовные песни / Новалис. Гимны к ночи. М.: Энигма, 1996. С. 145.
12. Свасьян К. Философское мировоззрение Гете. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1983. С. 39.
13. Свешников В. Этика христианской жизни. М.: Паломник, 2000. С. 142.
14. Семаева И.И. Традиции исихазма в русской религиозной философии первой половины XX века. М.: МПУ, 1993. С. 146.
15. Федотов Г.П. О Святом Духе в природе и культуре // Г.П. Федотов. Собр. соч.: в 2 тт. Т. 2. М., 1998. С. 234.